

ИСТОРИИ

Концлагерь на 10 миллионов уйгуров Китай построил в провинции Синьцзян полицейское государство будущего. Мы там побывали

Meduza
06:01, 18 сентября 2018

Уйгурский рынок в старом городе в Кашгаре, 28 июля 2014 года

Kevin Frayer / Getty Images

9 сентября Human Rights Watch опубликовала доклад о преследованиях мусульманского населения китайского региона Синьцзян: по данным организации, в последние годы там массово и зачастую безосновательно задерживают уйгуров, помещая их в тюрьмы и воспитательные лагеря; за миллионами людей организована постоянная видеослежка, а их социальное положение и судьба зависят от баллов, начисленных в системе «социального кредита». Как заключает Human Rights Watch, репрессий такого масштаба в Китае не случалось со времен Культурной революции. По информации The New York Times, президент США Дональд Трамп раздумывает о санкциях в отношении Китая, но в целом ситуация в Синьцзяне почти не обсуждается, — возможно, еще и потому, что туда редко добираются туристы и журналисты. «Медуза» публикует материал русскоязычного журналиста и путешественника, который сумел побывать в Синьцзяне этим летом и увидел, как новые технологии помогают тотальной слежке, сегрегации и дискриминации (также можно послушать аудиовersion текста). **Для безопасности автора и его собеседников материал публикуется без подписи; в тех же целях некоторые имена и незначительные детали текста изменены.**

ГЛАВА
1

Граница

Пятнадцать лет назад я впервые попал на отделяющий Киргизию от Китая перевал Иркештам. Я путешествовал автостопом и был единственным туристом на весь пропускной пункт — длинный барак-полуобочку с рваным ограждением из колючей проволоки. Посередине барак был перегороден прилавком, за которым сидел сонный киргизский солдат. Дышать из-за высоты было трудно, разговаривать — тоже: над границей выл ветер и заглушал слова. Это было очень негостеприимное место у разбитой двухколейной дороги, спускавшейся с гор в Синьцзян, — заросшую колючками обширную, гористую область, окружающую Такла-Макан, одну из самых больших песчаных пустынь Азии. Сразу за прилавком начиналась другая страна.

С обеих сторон слягбаума стояли колонны грузовиков. Из Китая в Среднюю Азию и дальше, в Россию, везли ширпотреб, а из Таджикистана и Киргизии в Китай — металл, распиленные станки с остановившихся советских заводов. Понятно было, кто развивается быстрее, но следы прогресса были и с китайской стороны почти незаметны — разве что колючая проволока там была менее ржавой, а солдаты сидели в новой будке из стекла и кафеля.

В 1935 году политический корреспондент английской «Таймс» Питер Флеминг (старший брат Яна Флеминга, с которого, как считается, тот отчасти списал Джеймса Бонда) опубликовал чудную книгу о путешествии в эти края — «Новости из Тартарии». Более саркастическое название сложно придумать — самый большой автономный район Китая, занимающий 1/6 его площади, оставался при Флеминге именно что Тартарией — так до XIX века называли примерно всю территорию от Каспия до Индии, удаленную, труднодоступную и таинственную. Мало кому удавалось сюда доехать, да и отсюда новости добирались до мира месяцами, если добирались вообще.

Синьцзян по-китайски означает «новая граница» или «новый доминион». Область, впервые завоеванную Китаем в XVIII веке, издревле населяли уйгуры — турки, чей язык и одежда значительно ближе к народам Центральной Азии, чем к китайцам. Протянувшийся вокруг пустыни Шелковый путь соединил здесь ряд городов-оазисов, отделенных друг от друга многими днями караванных дорог. Расстояния позволяли относительно мирно сосуществовать населявшим их народам — уйгурам, киргизам, казахам, тибетцам и русским, — а близость великого торгового коридора обеспечивала культурные связи с Западом, Индией, Китаем и Персией. Носившие общее название Восточного Туркестана области веками конфликтовали с пытавшимся подчинить их себе Пекином (географически находящимся в полтора раза дальше, чем, например, Багдад), а иногда и с другими соседями.

Время от времени здесь вспыхивали восстания и междоусобные войны, превращавшие регион в кровавую баню, или сталкивались интересы великих держав. Тогда Восточный Туркестан попадал в газетные передовицы — так было во время Большой игры, когда на Памире вплотную подошли друг к другу границы Китая, России и Англии, или в 1980-х, когда Китай поддержал борьбу афганских моджахедов с СССР. Впрочем, большую часть времени после окончательной оккупации Китаем в 1949 году Восточный Туркестан проводил в забвении.

Кашгар, ближайший к киргизской границе город, в 2003 году представлял собой именно что забытую богом дыру. Редких туристов селили в две гостиницы, стоявшие на местах закрытых в 1949-м посольств, русского и английского. Город вокруг состоял из одинаковых китайских новостроек и помпезных официальных зданий. На центральной площади высилась возведенная в 1968-м, на пике очередных уйгурских беспорядков, статуя Мао — когда-то одна из самых больших в Китае. За ее спиной экскаваторы разваливали на куски огромный земляной вал.

Старый город в Кашгаре, 31 июля 2014 года

Kevin Frayer / Getty Images

Воскресный рынок скота в старом городе в Кашгаре, 27 июля 2009 года

Mohr / ullstein bild / Getty Images

Кузнечный магазин в старом городе в Кашгаре, 18 апреля 2009 года

Mohr / ullstein bild / Getty Images

Мне понадобилось два дня, чтобы понять, что это не вал, а старинная городская стена, за которой Кашгар хранил в себе еще один город. В нем жили не только своими традициями, но и по своему собственному времени: когда работающие по пекинским часам китайцы укладывались спать, в старом уйгурском центре только-только собирались ужинать. Толпа медленно выливалась из центральной мечети, растекаясь по узким улочкам вокруг площади; люди не спеша рассаживались у стоящих вдоль улиц столов или шли на ночной продуктовый рынок, над которым носился дым мангалов и аппетитный запах свежих лепешек. Они одевались в халаты, носили длинные бороды, сапоги до колена и высокие шапки с меховой оторочкой. Женщины сурьмили брови, у мужчин на кушаках висели ножи — знаменитые пчаки, изготовленные в соседнем Янгигисаре, городе, который веками продавал клинки проходившим по Шелковому пути караванам. На гигантском рынке покупали ковры, овец, сушеных ящериц и змей; на улицах брадобреи брили своих клиентов, а конюхи подковывали лошадей гвоздями, сделанными тут же, в соседней кузне. Здесь кипела жизнь — такая, какой описывал ее Флеминг, а до него — великие путешественники конца XIX — начала XX века.

В начале 2000-х попасть в Кашгар было как оказаться вдруг в «Тысяче и одной ночи», но новая жизнь наступала со всех сторон, и китайский квартал, когда-то располагавшийся на окраине, теперь неумолимо сжимал кольцо вокруг старых построек. Бродя безлунными вечерами под сотнями полумесяцев, украшавших здешние мечети, я понимал, что вижу все это в последний раз, — и удивлялся терпению, с которым относились к переменам уйгуры. В соседнем Тибете в те времена Китай менял жизнь под усиленной полицейской охраной.

Однако сопротивление не заставило себя ждать.

В 2009 году в столице Синьцзяна Урумчи полиция попыталась разогнать толпу, возбужденную убийствами уйгурских рабочих в Южном Китае. Беспорядки переросли в погромы; были убиты 197 человек, в основном китайцы. Власти арестовали тысячу митинговавших, по меньшей мере 30 из них были приговорены к расстрелу. В ответ уйгуры перешли к терактам — примитивным, плохо организованным, но регулярным.

Уйгурский митинг протеста в Урумчи, 7 июля 2009 года

Guang Niu / Getty Images

Уйгуры разыскивают пропавших родственников в Кашгаре, 3 августа 2009 года

Frank Bienewald / LightRocket / Getty Images

В 2010 году мужчина и женщина забросали взрывными устройствами толпу в Аксу; из семерых убитых пятеро были полицейскими. Год спустя полтора десятка вооруженных ножами молодых мужчин захватили отделение полиции в Хотане, протестуя против запрета на ношение паранджи, — погибли все атакующие и двое сотрудников. В июле 2011 года серия взрывов в Кашгаре привела к гибели десяти человек. Еще 33 погибли при нападении с ножами на вокзал в Куньмине в 2014-м. В том же году было атаковано китайское посольство в Киргизии и взорван популярный среди китайских туристов храм в Бангкоке.

К этому времени репрессии внутри самого Синьцзяна достигли такого накала, что уйгуры стали массово примыкать к международным террористическим группировкам. В редком интервью AP осевшие в Турции после участия в сирийской войне уйгурские боевики рассказывали, что их интересовал не джихад, а военный опыт для дальнейшей борьбы на родине. Втайне от однополчан из ИГ они штудировали труды сионистов, надеясь применить на практике еврейский опыт построения собственного государства. Как бы то ни было, «Исламское движение Восточного Туркестана», рекрутировавшее и отправившее в Сирию не меньше тысячи боевиков, сейчас большинство западных стран считают террористической организацией.

Это стало большой удачей для Пекина, с 2014 года присоединившегося к международной «войне с террором».

ГЛАВА 2

Молчание

Все эти годы информация из Кашгара поступала довольно скудно — после событий в Урумчи во всем Синьцзяне на год отключили интернет; сообщения о теракте в Аксу китайские власти успешно блокировали даже внутри Китая. Туристы в Синьцзяне по-прежнему почти не бывали — разве что немногочисленные авантюристы, пытавшиеся попасть с севера в закрытый для иностранцев Тибет, да спортсмены, пересекавшие пустыню на велосипедах или проходившие сложные синьцзянские реки. Пытаясь раздобыть какие-нибудь сведения о происходящем, я переписывался со многими из них.

В 2003 году один из этих спортсменов рассказал мне о встреченном в Ичине киргизе, клявшемся, что он стал свидетелем массового расстрела в Кашгаре. Киргиз подробно описывал перевозившие трупы военные грузовики, «кровь с которых капала на дорогу», и даже указывал место, где он их видел. Несколько лет спустя другой группе о том же эпизоде рассказал житель Кашгара. Позже в одной из местных деревень они познакомились с уйгурскими полицейскими — а через год, снова оказавшись там, услышали, что их знакомых поголовно вырезали джихадисты, впоследствии расстрелянные властями.

В 2007 году Синьцзян в первый и последний раз в этом веке появился на российском телевидении: на реке Юрункаш погибли четверо из шести участников водного похода под руководством Сергея Черника. Случай имел широкую огласку, очевидно, было и полицейское расследование — но гид, забросивший группу Черника на маршрут, как и другие уйгурские гиды, продолжал отвечать на письма вплоть до 2015 года. Затем связь с ними прервалась.

Китайские солдаты окружают центральную мечеть Кашгара после убийства имама, 30 июля 2014 года

Kevin Frayer / Getty Images

Приблизительно в это же время базирующаяся в Мюнхене правозащитная организация «Всемирный уйгурский конгресс» стала публиковать пугающие новости об исчезающих в Синьцзяне людях. По их информации, уйгурам теперь запрещалось связываться даже с родственниками, живущими за пределами провинции. Один за другим переставали отвечать телефоны; китайские уйгуры удаляли живущих за границей друзей из списков контактов в WeChat, самом популярном китайском мессенджере. WhatsApp и фейсбук были заблокированы и раньше, но теперь

за их установку грозила тюрьма.

Пока контроль касался только голосовой связи и чатов, некоторые родители общались с учащимися за границей детьми по видео — при этом сказанное словами разительно отличалось от сообщений, которые они одновременно показывали на листках бумаги. Кому-то удавалось наладить связь через чаты в видеоиграх. Потом молчание стало полным. Мой товарищ, немецкий велосипедист, путешествовавший в Синьцзяне осенью 2016 года, рассказал, что город Хотан показался ему «целиком опутанным колючей проволокой». Сменилась и официальная риторика — в Пекине больше не утверждали, что оппозицию представляют редкие экстремисты. «Невозможно выпалывать сорняки по одному, — объявил партийный чиновник в Кашгаре. — Нам нужны химикаты, чтобы справиться сразу со всеми».

За несколько лет до этого в Тибете появились китайские видеокамеры, способные посылать в центр сигнал о подозрительных скоплениях людей. Выглядели они как вращающиеся шары размером с человеческую голову, оснащенные двумя «глазами»; мои тибетские друзья считали, что антропоморфные черты — это специально, для устрашения. Но в Синьцзяне, когда в 2016 году секретарем местного отделения Компартии стал «усмиритель Тибета» Чэнь Цюаньгао, полицейские меры приобрели жуткие даже по тибетским меркам масштабы.

В одной из первых программных речей новый начальник обещал «похоронить тела террористов в безбрежном море народной войны». Три месяца спустя начались аресты, причем с апреля 2017 года поводом для репрессий могли стать излишняя религиозность, ношение паранджи, борода, чересчур традиционная одежда, публичное толкование Корана и даже данные детям арабские имена. Полицейским спускались разнарядки на число арестованных — в некоторых населенных пунктах эта цифра достигала 40% населения. Несогласные направлялись в «воспитательные лагеря» — выросшие в пустыне территории с бронированными воротами, толстыми стенами, затянутыми колючей проволокой, и многочисленной охраной. Когда уйгурские источники заговорили о том, что в лагерях содержатся сотни тысяч человек, я решил наконец снова съездить в Синьцзян.

ГЛАВА 3

Новости из тартарары

В этот раз я путешествовал на собственной машине, но попасть в Китай оказалось намного сложнее, чем пятнадцать лет назад. Разрешение на въезд я получал за полгода — его могла выписать только лицензированная китайская турфирма. На границе нас должен был встретить гид, чей телефон мне прислали заранее. Звонить гиду-уйгуру с иностранного номера в сегодняшних реалиях было нельзя, но строгость китайских законов по-прежнему компенсировалась готовностью их нарушать — агентство посоветовало попросту одолжить телефон у пограничников.

В Синьцзяне добывается большая часть китайской нефти и газа, через него же везут в Китай горючее из России, но самое главное — ему уготована роль центрального связующего звена в проекте «Один пояс и один путь», глобальной китайской инфраструктурной инициативе, которая должна связать между собой рынки Китая, Ближнего Востока и Европы. Из-за этого в отсталый район стали вливаться грандиозные средства. Доведав дорожную сеть на своей территории до европейских стандартов, Китай стал субсидировать строительство у соседей — новая железная дорога свяжет Синьцзян с Киргизией и Узбекистаном. Пока поезда не ходят, но на шоссе, по которому я ездил раньше, появился приличный асфальт.

Киргизский поселок у границы с Синьцзяном, лето 2018 года «Медуза»

Барака на перевале больше не было. Вместо сонного солдата на новом киргизском посту стоял целый отряд в современной боевой выкладке. В 2014 году неподалеку от границы произошло столкновение, в котором погибли 11 перешедших границу уйгуров и один киргизский егерь. У нарушителей не было огнестрельного оружия, но у каждого нашли Коран, компас, нож, веревку и саван. Киргизское правительство и китайская комиссия сочли этот набор признаком участия убитых в террористической группировке; режим на границе было решено усилить.

С китайской стороны новым был только шлагбаум, перед которым стерегущий его солдат с каменным лицом сфотографировал наши лица на телефон и вбил в компьютер номера паспортов. Через пятьдесят метров у следующего барьера пятеро военных внимательно обыскали машину. Они снова проверили паспорта и снова сфотографировали пассажиров. В следующие двадцать минут мы миновали еще три пропускных пункта — и не меньше десяти видеокамер. У очередного барьера постовой в белых перчатках железом направил нас к огромному современному зданию с автоматическими воротами. Внутри оно было набито сканерами и рентгенами — новенькими, сверкающими, похожими на медицинское оборудование.

Гид — толстый уйгур в спортивном костюме — ждал здесь. С виноватой улыбкой он пояснил, что проверки были только разминкой — нам предстояло пройти три фазы контроля, каждая из которых включала в себя от двух до четырех шагов. Для начала пограничники исследовали содержимое всех телефонов, удаляя фотографии, сделанные на нейтральной полосе. Затем багаж поехал через рентген. Книги и записи досматривались отдельно, причем особенное подозрение у обыскивающих вызвала «Свобода в полночь» — толстый том о размежевании Индии и Пакистана. Им пришлось связаться по рации с начальством, признавшим в конце концов, что слово «свобода» не может быть основанием для конфискации.

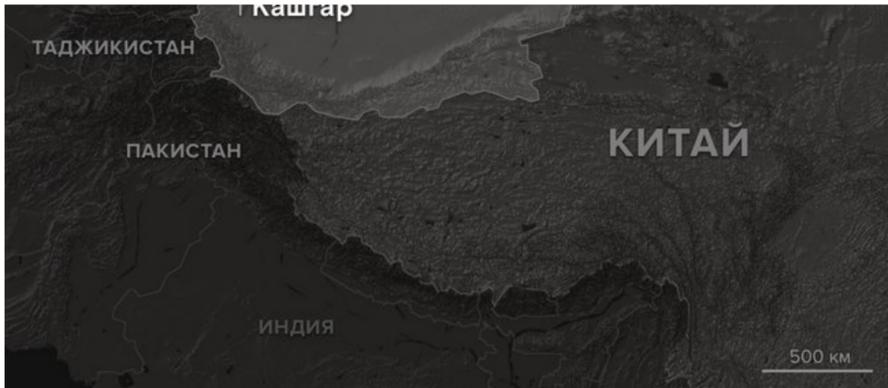
Затем машину загнали в бокс для рентгена, но поскольку снимки рассматривались не на месте, а в отделе аналитики в Урумчи в полутора тысячах километров от нас, ответа пришлось ждать час. Снимки получились плохо, машину пришлось возвращать на рентген трижды. Каждый раз из-за силы рентгеновского излучения в боксе загорался знак радиационной опасности и начинала протяжно выть сирена, но на это никто не обращал внимания.

После таможенного досмотра начался военный — люди в форме подключали ко всем компьютерам специальное устройство, сканировавшее видеофайлы, фотографии, списки контактов и тексты. Искали карты, лица и имена. К моему старенькому ноутбуку используемый для проверки гаджет с английской надписью Mobile Hunter в толстом резиновом чехле не подключился, и фотографии пролистывали вручную. Я волновался из-за портретов старых уйгурских знакомых, но солдаты работали неумело и не нашли ни их, ни архива с тибетскими фотографиями. Я вдруг испугался — за многие годы путешествий в Китае мне не приходилось сталкиваться ни с чем подобным.

Туристам, которых досматривали рядом, военные установили на телефоны JingWang Weishi, специальное приложение, используемое в Синьцзяне для слежки за мусульманами. JingWang передает в полицию идентификатор устройства, его модель и номер его владельца, а впоследствии мониторит всю поступающую информацию, указывая пользователю на наличие опасного с точки зрения государства контента. Я читал о приложении раньше, но считал это слухами. Через пять часов на границе я уже узнал, что с недавних пор его установка стала для синьцзянских уйгуров обязательной. Свой мобильник мне удалось припрятать.

После военной проверки нам приказали следовать на паспортный контроль, находящийся в 140 километрах в глубине страны.

Карта Синьцзяна и приграничных территорий
Картографические данные © Google, 2018

Дорогу было не узнать — великолепное новое шоссе петляло по песчаным склонам, периодически ныряя в тоннели и пересекая реки по невиданным ранее в Азии мостам. Станным образом на ней практически не было движения — только в одном месте машину вдруг окружили верблюды, потомки тех мохнатых двугорбых бактрианов, на которых держался Шелковый путь. Огромные, они возвышались над машиной, как роботы из «Звездных войн», и, прогалопировав немного по шоссе, без труда преодолели высокие металлические отбойники и пустились бегом в пустыню. Там, куда они убегали, Синьцзян, казалось, не изменился вовсе — и оставался бескрайней пустыней с морем песчаных дюн, мигрирующими озерами, снежными пиками на горизонте и спрятанными в их бездонных узких каньонах ревущими реками. Как и раньше, каждый съезд с шоссе обещал приключение — хотелось, пусть и без штампа в паспорте, съехать вниз и поколесить среди песчаных холмов.

Теперь это было исключено — каждые несколько километров любое передвижение фиксировали камеры. Глаз у них был только один, зато они часто располагались группами по три-пять штук. Распознавали камеры не только номера машин, но и лица водителей. Вечером над объективами зажигались прожектора, слепившие хуже встречных фар. Проезжая очередной контроль, я попытался прикрыть глаза рукой, чтобы хоть как-то разглядеть дорогу. Жест не остался незамеченным — все четыре камеры тут же моргнули яркой, как у стробоскопа, чередой вспышек.

Каждые 20–30 километров дорогу перегораживали блокпосты с тяжелыми стальными шлагбаумами и ежами, способными остановить танк. Длинные очереди пассажиров уйгурских автобусов выстраивались перед турникетами, ведущими к кабинкам со сканерами лиц, а затем — к окошкам, где результат скана сличался с пластиковой идентификационной карточкой. Многих просили подключить мобильные телефоны к тому же Mobile Hunter — или просто ввести пароль и отдать устройство полицейским. Люди привычно, понуро выстраивались в длинные очереди, и под потолком каждого такого поста за ними непрерывно наблюдали все те же гроздьями висящие камеры. Я заметил, что бороды теперь носят только глубокие старики.

ГЛАВА 4

Диснейленд

Три года назад власти Китая [объявили](#), что частные и государственные системы видеослежения с распознаванием лиц будут объединены в общую базу, которая полностью охватит все население к 2020 году.

Синьцзян, где ранее проводились первые китайские ядерные взрывы, снова был выбран для пилотного эксперимента — здесь установлена большая часть из 20 миллионов видеокамер, работающих в стране. Устрашающее их количество, видимое даже невооруженным глазом, подтверждается официальными источниками — к 2016 году расходы на внутреннюю безопасность превысили оборонные расходы Китая на 13%. Между 2014 и 2016 годом Синьцзян истратил на слежку вдвое больше, чем тратили другие районы; в 2017-м — втрое больше.

Сегодня китайской полиции требуется не больше семи минут, чтобы вычислить и задержать в толпе любого подозреваемого, черты лица которого совпадают с данными, указанными в грандиозной центральной базе.

Успешно внедрив систему слежения в Синьцзяне, Китай приступил к экспорту прорывной технологии. Два года назад отделение CEIEC — госкомпании, которая обеспечивает инфраструктуру слежки, — открылось в Эквадоре. Китай, крупнейший импортер эквадорской нефти, выделил этой стране многомиллионный кредит на проект, в рамках которого камеры установили в двух десятках эквадорских провинций. В январе 2018-го агентство «Синьхуа» сообщило, что благодаря этому преступность в стране упала на 11,8%; в рамках нового соглашения CEIEC внедрит в Эквадоре геолокационную систему, позволяющую отслеживать мобильные телефоны граждан. Отделения CEIEC появляются на Кубе, в Бразилии, Боливии и Перу, компания разработала систему интернет-цензуры для правительства Уганды и пытается расширяться в Африке. В разделе «Европа» на сайте CEIEC значится пока только одно представительство. Находится оно в Москве.

Пропускной пункт у входа в уйгурский старый город в Кашгаре (эта и следующие фотографии — лето 2018 года)

«Медуза»

Одно из сохранившихся старых уйгурских зданий в историческом центре города

«Медуза»

Пропускной пункт на входе в супермаркет в Кашгаре

«Медуза»

В самом Синьцзяне новый порядок видеонаблюдением не ограничивается. В первый же год под управлением Чэнь Цюаньгао полицейский персонал был усилен десятком тысяч новых бойцов, и число правоохранителей продолжает расти (на низшие должности часто набирают самих уйгуров). Я наблюдал тренировку полиции на посту у подъезда к Кашгару. Два десятка мужчин и женщин маршировали по плацу, перебегая с места на место, очевидно пытаясь окружить невидимую толпу: новобранцы пока выглядели не слишком грозно — но этого нельзя было сказать об их оружии.

Автоматы были только у командиров-китайцев — уйгуров вооружили копиями с резиновым древком и стальным острием, длинными дубинками, которыми нужно было вращать обеими руками сразу, и некими подобиями деревенских ухватов, предназначенных для зашелкивания на шею противника.

Подобные ухваты я видел раньше в Тибете, где они, вероятно, предназначались для нейтрализации самоподжогов — зашелкнув стальное кольцо на шее очередного ламы, полицейский мог

обездвижить его, оставаясь на безопасном расстоянии.

В Синьцзяне в ходу была другая модель, в которой деревянные части конструкции заменили на резину и пластик; на самом кольце поблескивали контакты электрошокера. Такие же электрошокеры были установлены на щитах, без которых полицейские никогда не появлялись на улице, — внизу каждый щит раздвигался жутковатого вида зубастой прорезью, очевидно также предназначавшейся для шеи противника.

Получить штамп о въезде и окончательно растаможить машину мне удалось только на следующее утро. В общей сложности переход границы занял около 26 часов. Во второй половине следующего дня я наконец въехал в Кашгар, точнее сказать — в новый город, расположившийся на месте сказочной столицы, в которую я многие годы мечтал вернуться.

Основные принципы, по которым строились китайские города, не изменялись с VII века до нашей эры — это всегда вытянутая с севера на юг сетка симметричных прямоугольных районов.

Бурлящий хаос узких уйгурских улочек невозможно трансформировать в эту модель. Китайские урбанисты вели борьбу со старым Кашгаром на протяжении десятилетий, но я никак не мог предположить, во что именно они его превратят. Темных проулков, мазаных стен и сложенных из песочного кирпича мечетей больше не существует. Но на их месте выросли не китайские многоэтажки, а поражающий размахом замысла диснейленд.

Китайцы превратили древний оазис в новый, удобный для жизни город, всеми силами пытающийся создать видимость старого уклада. Узкие переулки стали широкими аллеями, по которым без труда может проехать пожарная машина — или броневик. Каждый дом подключен к водопроводу и канализации. Но дух исчез — как исчез дымный запах с маленьких кухонь после того, как все дома подключили к газопроводу. От самих домов остались лишь резные двери — для придания аутентичности. Новые постройки напоминают традиционную уйгурскую архитектуру, но мазаные стены выглядят неправдоподобно. Вырезанные на станках наличники не могут сравниться с исчезнувшими старыми окошками, как не может заменить старую мостовую новая плитка.

Аттракционы на площади у центральной мечети Кашгара
«Медуза»

Городской продуктовый рынок
«Медуза»

Лудильщик на кашгарском рынке
«Медуза»

Самой же главной утратой стала исчезнувшая уличная жизнь.

Пропали кузнецы и зазывалы, нет больше плотников, выстругивавших резные бутылки из тыкв, исчезли уличные торговцы и запряженные осликами тележки, игравшие роль городских такси. Старики в тубетейках по-прежнему чинно пьют чай из пиал на усаженных цветами аллеях, но вид у стариков потерянный, и количество фотографирующих их китайских туристов значительно превосходит число их самих. На оставшемся на старом месте продуктовом рынке по-прежнему торгуют лапшой и бараньими головами, только покупатели теперь — сплошь китайцы, а на руках уйгурских продавцов появились красные повязки с желтыми иероглифами, свидетельствующие, что они получили государственную лицензию.

Я пытался найти знакомых, но не нашел даже домов, в которых они когда-то жили. Зато на каждой улице, посмотрев в любом направлении, можно теперь увидеть обтянутый колючей проволокой полицейский пост. Видеокамеры висят всюду — на крышах домов, на прикрученных к стенам кронштейнах, на фонарях и на специально установленных над улицами металлических фермах. Город разбит на блоки, и при переходе из одного квартала в другой каждый уйгур обязан предъявить пластиковый ID, просветить сумку, сканировать зрачок, а в некоторых случаях — отдать полицейскому для ознакомления свой телефон. Эта же процедура ожидает их в банке, в больнице, в супермаркете и в подземном переходе. Улицы патрулируются броневиками, спецназом и бригадами составленных из уйгуров добровольных дружин, периодически останавливающих прохожих для проверки личности. Трое таких дружинников, заметив, что я сфотографировал полицейского, заставили меня удалить снимок и не скрываясь ходили за нами остаток вечера.

Мне удалось разыскать пару уцелевших мечетей, но на старинных дверях висели замки. Неподалеку от медресе (тоже закрытого) на перекрестке сидел одетый в традиционный костюм скорняк, тачающий уйгурскую шапку. И скорняк, и шапка — все было бронзовое. Настоящие меховые шапки продавались в сувенирной лавке — но вот мастера я отыскать не смог. Не было больше и чудных старинных ножей — ни на поясах, ни там, где их продавали когда-то. Услышав слово «пчак», продавцы отшатывались, и только один антиквар вытащил из-под прилавка ушестивую коробку. В ней лежали роскошные ирринные рукоятки — клинки были варварски срезаны болгаркой. Даже при покупке обычных кухонных ножей уйгуры теперь обязаны нанести лазерной гравировкой идентифицирующий владельца QR-код на лезвие, а в Аксу ножи в ресторанных кухнях приковывают цепочкой к стене.

Кашгарский уйгур с идентификационной карточкой. Только обладатели таких карточек имеют право общаться с иностранцами
«Медуза»

Уцелевшее медресе в Кашгаре
«Медуза»

В двух шагах от торгующего этими обрезками прошлого магазина стоял раньше тандыр, где пекли самые вкусные в городе лепешки. Я узнал место — его тоже украсили массивным бронзовым памятником, в натуральную величину изображающим и лепешку, и пекаря. Возле бронзового тандыра фотографировались туристы.

ГЛАВА 5

Человек с низким рейтингом

В Кашгаре истреблена не только сохранявшаяся тысячелетиями материальная культура, но и сама история. Через несколько дней я разговорился с молодым человеком, который после двух-трех вопросов едва заметным жестом предложил мне пересечь так, чтобы нас не видели камеры. Мне хотелось узнать, помнят ли здесь Первую Восточно-Туркестанскую республику и ту роль, которую сыграли в ее подавлении зашедшие из СССР войска. Расспросы вызвали у Эхмета неожиданное воодушевление — оказалось, что он учился на историка.

Отодвинув в сторону чашку с зеленым чаем, который в Кашгаре по-прежнему всюду разливают бесплатно, Эхмет вдруг прошептал: «У меня дома до сих пор сохранились старые учебники, там пишут об этих людях».

Пока я соображал, каким образом можно взглянуть на древние книги, не подвергнув опасности их владельца, выяснилось, что самой старой из них было чуть больше 10 лет. «Все учебники, выпущенные до 2009 года, конфисковали больше года назад, — пояснил Эхмет. — Просто ходили от дома к дому и собирали все, что мы не успели сжечь сами». Пару учебников, по которым занимался в университете, он припрятал, но по-настоящему старые книги пришлось уничтожить — наказанием за их хранение могли стать семь лет лагерей.

Команды активных граждан, состоящие обычно из полицейских или членов Компартии и хотя бы одного уйгура, — еще одно новшество, изменившее жизнь в Синьцзяне. Они регулярно навещают к уйгурским семьям, чтобы задать, как выразился мой собеседник, «странные вопросы» и проверить, нет ли в доме запрещенных предметов и книг. Подобная проверка может продолжаться несколько часов — или несколько дней. «Они приходят тогда, когда им удобно, — говорил Эхмет, — в любое время. Но около года назад они стали чаще говорить об исламе, расспрашивать, читаем ли мы Коран. И тогда же — около года назад, когда забрали книги и стали исчезать знакомые, стало ясно, что многое связано с баллами».

Введение баллов лояльности, официально именуемых «системой социальных кредитов», было анонсировано в Китае четыре года назад. Как именно работает система, точно не знает никто, но известно, что рейтинги рассчитываются исходя из всего массива информации, который государству удастся собрать о гражданине. На результат влияют банковские задолженности, дорожные штрафы, предосудительное поведение онлайн (включая «неправильный» шопинг) и курение в общественных местах. Очки можно поднять, став донором крови, приняв участие в благотворительном проекте или написав оду Коммунистической партии. Но их также легко потерять — для этого достаточно слишком много играть в видеоигры или слишком часто ходить в мечеть; принимаются в расчет и поездки в беспокойные регионы, и зафиксированное видеокamerой общение с нежелательными лицами.

В центре старого города в Кашгаре: вид на площадь у центральной мечети
«Медуза»

Улица в новом городе
«Медуза»

Уйгурские женщины собираются в старом городе в Кашгаре перед уроком китайского языка
«Медуза»

Кафе в Ташкургане (один из административных центров
«Медуза»

Высокие баллы позволяют снимать гостиницу без депозита, получать скидку на коммунальные услуги и меньший процент на кредит в банке. С низким баллом труднее найти работу и снять квартиру. Когда баллы падают еще ниже, проблемы становятся серьезнее: ограничивается свобода перемещения, закрывается доступ в хорошие магазины и даже регистрация на сайтах знакомств. Известны случаи, когда детей не принимали в хорошие школы из-за низких социальных кредитов родителей. В полную силу система заработает к 2020 году, но уже на сегодняшний день миллионам отказывают в покупке билетов на внутренние рейсы — из-за низкого рейтинга.

КАК РАБОТАЮТ КИТАЙСКИЕ РЕЙТИНГИ

«Острый глаз» вместо «Большого брата»: как китайские власти массово следят за жителями страны

В Китае создают тотальную систему распознавания лиц граждан. Она поможет ловить преступников и собирать данные на всех остальных

В Синьцзяне, где каждый житель практически непрерывно находится под наблюдением, этот футуристический кошмар быстро приобрел черты кровавой антиутопии. Обработывающий данные искусственный интеллект делит общество на «безопасных», «нормальных» и «опасных» граждан. В расчет принимаются возраст, вероисповедание, судимости и контакты с иностранцами. Весьма вероятно, что на результат уже влияют или могут повлиять в будущем и образцы ДНК.

В сентябре 2016-го в сети появился первый открытый тендер на изготовление наборов для генотипирования для нужд полиции, а уже два месяца спустя Human Rights Watch сообщала, что сдача образцов ДНК стала в Синьцзяне обязательной процедурой при получении паспорта. Их собирают в школах и на рабочих местах, офицеры полиции могут прийти и домой. Об угрозах семье рассказывают почти все сбежавшие из страны: поголовный сбор генетического материала открывает широчайшие возможности для преследования родственников.

Мой собеседник был твердо уверен в том, что любой уйгур теряет десяток баллов просто из-за своей — определяемой в том числе по ДНК — национальности (писали об этом и в западных СМИ). Сам он, как и миллионы других, сдал образцы слюны и крови во время бесплатного медицинского осмотра, организованного государством.

«Вам этого не понять, — убежденно повторял раз за разом Эхмет. — Все началось всерьез только в этом году. Ездишь на мотоцикле без шлема — теряешь баллы. Сажаяешь двух пассажиров вместо одного — тоже. Часто появляешься на улице, где живут „экстремисты“, — баллы падают, и ты попадаешь в тюрьму. Встал под камеру рядом с неправильным человеком — будь готов ответить на очень много вопросов. Почему ты звонил по этому номеру? Почему камера видела тебя с таким-то? Надо иметь хорошее объяснение».

Пока мы разговаривали, на соседней площади постепенно собралась группа женщин в похожих на униформу одинаковых белых рубашках. Они рассаживались на заранее расставленные стулья перед большой доской с длинными рядами иероглифов. Начинался обязательный урок китайского — подобные занятия проводятся по всему автономному округу, и посещаемость также влияет на баллы лояльности. Несколько штатских с красными повязками на рукавах наблюдали за ходом занятия — с их появлением Эхмет сразу постарался свернуть разговор.

Урок китайского языка в Синьцзяне
«Медуза»

Прощаясь, я предложил оставить свой адрес — ясно было, что писать первому мне не стоило.

— Спасибо, адрес не нужен — [если найдут] это лишний повод к расспросам: что за человек, о чем говорили? Когда-нибудь все это кончится, и мы встретимся и без адреса.

Я не услышал уверенности в его словах.

Оставив меня на лавке, Эхмет побрел к переходу. На углу улицы его остановили: как и каждый уйгур, он должен был всякий раз отмечаться, переходя из квартала в квартал.

ГЛАВА
6

Перевоспитание

В феврале 2018 года Foreign Policy удалось взять интервью у учившегося в США студента-уйгура, представившегося Иманом. Он рассказал, что в прошлом году приехал в Китай на каникулы — и в Пекине его арестовали прямо на борту самолета. Следующие девять дней его допрашивали в пекинской тюрьме, затем в наручниках отвезли в Синьцзян — в «воспитательный лагерь».

Перевоспитание Имана проходило в камере, где он содержался с девятнадцатью другими уйгурами. Заключенные маршировали в камере, скандируя лозунг «Усердные тренировки, старательное учение!», и часами смотрели пропагандистские видеофильмы. В послеобеденный перерыв разрешалось сидеть на нарах, затем маршировка и просмотры возобновлялись до ужина. Иман сдружился с 60-летним сокамерником, которого обвинили в том, что он толковал Коран в сообщениях, отправленных дочери через мессенджер. Мужчина получил семилетний срок. Иману повезло больше — через 17 дней его отпустили, но теперь камеры узнавали его на улицах, и ему начали отказывать в пользовании общественным транспортом и посещении супермаркетов. В конце концов ему удалось добиться разрешения на продолжение обучения в США, но полицейский предупредил его, что болтать об увиденном ему не следует: «Твои родственники остаются здесь, мы — тоже».

Об арестах и приговорах китайским уйгурам пишут последний десяток лет. В 2009 году двум журналистам дали 13 лет тюрьмы за «покушение на государственную безопасность». Тогда же Гульмиру Имин, публиковавшую в интернете стихи по-уйгурски, обвинили в призывах к незаконным митингам и разглашении государственной тайны; она получила пожизненное. В 2010-м 15 лет получил еще один журналист. В 2014-м восемь лет лагерей дали писателю, а один из самых известных уйгурских ученых Ильхам Тахти получил пожизненное «за призывы к сепаратизму». Вместе с ним арестовали семерых учеников.

В 2015 году лингвиста Абдувели Аюпа, преподававшего уйгурский в школе (теперь это запрещено), остановили на посту, который он проходил дважды в день — по дороге на работу и обратно. У него в ноутбуке нашли эссе, написанные несколько лет назад, во время учебы в Канзасе, но после многочасового допроса отпустили. Аюп сумел сбежать в Анкару — только поэтому мы знаем его историю.

В 2016 году забирали блогеров и администраторов уйгурских форумов. В 2017-м бесследно исчезли знаменитый на всю страну ученый Хаймурат Гопур, работавший президентом департамента по контролю пищевой промышленности Синьцзяна, а также обласканный ранее властями популярный певец Абдурехим Хейит, чьи песни никогда до того не подвергались цензуре. Уже в этом году на рынке задержали 19-летнего футболиста, раньше игравшего за китайскую молодежку, — его обвинили в том, что, выезжая на международные матчи, он посещал зарубежные страны.

Полицейские у ограды одного из воспитательных лагерей в Синьцзяне, 2 ноября 2017 года

Китайский полицейский у центральной мечети Кашгара перед утренней молитвой, 26 июня 2017 года

Johannes Eisele / AFP / Scanpix / LETA

Осенью 2017 года на родину в Синьцзян приехал Кайрат Самархан — этнический казах, за несколько лет до того эмигрировавший, как и многие его соотечественники, в Казахстан, он вернулся, чтобы продать дом и землю. В родном уезде его вызвали на допрос — как сам Самархан рассказывал потом «Радио Свобода», его спрашивали, чем он занимался в Казахстане и «совершал ли намаз». Допрос продолжался трое суток, все это время ему не давали спать.

Самархана приговорили к девяти месяцам «перевоспитания». Он встречал три категории заключенных: одних обвиняли в излишней религиозности, других — в нарушении общественного порядка, третьих — в том, что они побывали за границей. По подсчетам мужчины, в лагере находились 5700 арестантов — 3000 казахов, 2000 уйгуров и 200 дунган (этнических китайцев-мусульман). Все они изучали материалы прошедшего в 2017 году XIX съезда Компартии Китая и слушали лекции, где их обучали не выдавать государственных секретов, не быть мусульманами и не разделять людей по национальному признаку. Все жили впроголодь. Самархана, как он говорит, освободили после попытки самоубийства, но к семье в Казахстан его отпустили только после того, как в дело вмешался казахский министр иностранных дел.

В январе 2018 года стало известно о смерти 82-летнего Мухаммада Салиха Хаджима, автора первого перевода Корана на уйгурский язык. Он умер через 40 дней после ареста, как именно — неизвестно: задержанные вместе с ним дочь и родственники по-прежнему находятся в заключении. В мае появились новости о судьбе четверых самых богатых людей Кашгара — в совокупности они были приговорены к 42 годам тюрьмы «за религиозный экстремизм». Чуть раньше была арестована 52-летняя Рахиль Давут, антрополог с мировым именем. До сих пор ее исследования поддерживались центральным правительством, и родственники восемь месяцев держали арест в секрете, надеясь, что Давут выпустят, — но ее не выпустили, и больше никто о ней ничего не слышал.

ГЛАВА 7

Бесстрашные сердца

Возвращаясь с ночного продуктового рынка в Кашгаре, мы всякий раз проходили блокпост — для китайцев и европейцев он не представлял проблем, но уйгуры должны были прокатывать карточку и сканировать сетчатку глаз. В этот раз на посту было шумно — трое полицейских, вооруженных, как обычно, копиями и щитами с электрошокером, только что задержали группу молодых людей. Их вели к полицейскому участку, расположенному поблизости. Арестованные шагали колонной, один за другим, руки на затылке. Полиция следовала сзади и сбоку, и когда первый юноша, — очевидно, в отсутствие указаний — попытался пройти в дверь участка, его грубо усадили на землю. Остальные сами сели на корточки, лицом к стене — опустить руки вниз им не позволили. Через минуту-другую подъехали, вращая мигалками, три машины, задержанных усадили внутрь, и колонна исчезла — так же быстро, как появилась. Расспрашивать, что происходит, было некого — да и незачем. Их могли отпустить после допроса и воспитательной беседы, или отправить в суд, или препроводить в лагерь.

Хотя официальный Пекин отрицает сам факт существования воспитательных лагерей, они впервые упоминались еще в докладе Компартии 2015 года. Сообщалось, что в «образовательном тренировочном центре» Хотана содержится 3000 человек, «пораженных религиозным экстремизмом». Через два года кашгарский чиновник проговорился, рассказав, что в одном только Кашгаре в четырех центрах (самый большой из них находится в бывшей средней школе) содержится 120 тысяч заключенных. Скорее всего, чрезвычайно занижена и эта цифра.

Перевоспитание не считается в Китае уголовным наказанием — формальные обвинения не выдвигаются, соответственно, нет и статистики. Тем не менее масштабы репрессий видны даже из-за границы. Лагеря можно обнаружить на спутниковых снимках. Ряды барачков, обнесенные двойным забором и сторожевыми вышками, возникают все в новых местах, а уже существующие постоянно расширяются.

Уйгуры на Народной площади в Кашгаре, где установлена 20-метровая статуя Мао Цзэдуна, 16 августа 2009 года

Sinopix / REX / Vida Press

Адриан Зенц, немецкий исследователь из Европейской школы культуры и теологии, проанализировал китайские строительные госконтракты — и обнаружил 73 проекта по возведению воспитательных центров. Согласно данным Зенца, новые лагеря строятся практически в каждом уголке Синьцзяна, и только с апреля прошлого года на них было истрачено 108 миллионов долларов. Некоторые тендеры предполагают строительство учреждений площадью почти в десять гектаров, с отдельными бараками для охраны. Ученый нашел и многочисленные объявления о наборе персонала — от соискателей ожидают «знания криминальной психологии», «опыта работы в силовых структурах» и «наличия бесстрашного сердца».

Месяц назад в Женеве Гэй МакДугалл, член Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, прямо назвала Синьцзян территорией, «напоминающей один гигантский концентрационный лагерь», предположив, что в «трансформационных центрах» заключен миллион человек. Присутствовавший там же генеральный секретарь «Всемирного уйгурского конгресса» Долкун Айса считает, что реальная цифра может достигать трех миллионов — почти трети всего уйгурского населения.

Ответ китайской делегации последовал через три дня — высокопоставленный партийный чиновник сообщил, что «все этнические меньшинства в Китае живут в довольстве и мире, пользуясь свободой религиозных убеждений», а «никаких перевоспитательных центров не существует». Государственное издание Global Times, выходящее в Китае на английском, среагировало еще раньше. «Мир и стабильность, — гласила его передовица, — превыше всего», и для их достижения «должны быть применены любые меры».

ГЛАВА 8

Отъезд

В программе нашей поездки был выезд в пустыню Такла-Макан — мы рассчитывали побывать на руинах буддистских городов, затерянных среди песков остатков доисламской цивилизации. Но в последний день гид, с которым была согласована эта поездка, не получил разрешения на выезд из города. Ламинированного полицейского пропуска в закрытую зону оказалось недостаточно — требовалось согласие комитета самоуправления района. Гид не знал, почему ему там отказали, и от этого нервничал гораздо больше, чем из-за потерянных денег. Агентство предложило заменить его другим, но к этому времени атмосфера уже начала действовать мне на нервы настолько, что мы решили двинуться дальше — в Пакистан.

Я переживал за спрятанные фотографии и еще больше — за запись разговора с Эхметом. Позвонить знакомым было нельзя — наши звонки и передвижения отслеживались с первого дня. Выехать из города без сопровождения мы не могли. В конце концов мне стало мерещиться, что за мной постоянно ходят агенты, и я начал шарахаться от людей, как продавцы шарахались

от меня, пока я искал пчаки. Чуть больше десяти лет назад я ездил в Синьцзян, чтобы своими глазами увидеть жизнь такой, какой она была много веков, если не тысячелетий, назад. Сегодня здесь можно увидеть будущее, превосходящее самые смелые фантазии Оруэлла и Замятина.

Последнее утро мы встретили в Ташкургане, еще одном городе южной ветки Шелкового пути. Заправиться перед дорогой оказалось непросто. В Синьцзяне шлагбаум, закрывающий затянутые колючей проволокой АЗС, открывается только после того, как водитель просканирует пластиковый ID; количество купленного каждым топлива регистрируется системой. Карты у меня не было. После долгих проволочек охранявшие колонку солдаты пропустили машину по моим временным китайским правам. Напротив, возле участка, несколько десятков уйгуров рядами стояли, опустив руки по швам, окруженные по периметру полицейскими. Они не были арестантами — они слушали еженедельную политинформацию перед работой.

Я выехал с заправки и начал медленно карабкаться вверх по Каракорумскому тракту. Между разбросанными по склонам киргизскими юртами бродили верблюды. По мере того как мы поднимались выше, их сменили шерстистые яки, равнодушно переходившие шоссе под объективами камер. Оцепление внизу расступилось — отсалютовав китайскому флагу, уйгуры могли разойтись, чтобы собраться на том же месте ровно через неделю.

 47,5K

 1,2K

 317

 Напишите нам

РУБРИКАТОР

Новости
Истории
Разбор
Игры
Шاپито
Подкасты

ПРИЛОЖЕНИЯ

iOS
Android

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Facebook
Twitter
Twitter Шاپито
ВКонтакте
ВКонтакте-Новости
ВКонтакте-Шاپито
Youtube
Instagram
Одноклассники
Medium

TELEGRAM

Meduza Live
Вечерняя Медуза
Срочные новости
Все новости
Шاپито
Бот

РЕДАКЦИЯ

Контакты редакции
SecureDrop

НАШИ ПРОЕКТЫ

Конференции «Шторм»
Школа «Ферма»
MeduzaCare

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Правила обработки
Использование куки

РЕКЛАМА

Реклама на «Медузе»
Прайс-лист
Примеры нативной рекламы
Требования к баннерам
Написать в рекламный отдел

УВЕДОМЛЕНИЯ

RSS

© 2018 Meduza
Спасибо **GIPHY** за гифки!

[О проекте](#)